
НАСЛЕДИЕ

В. М. ХВОСТОВ

ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИИ (окончание)

Глава VIII. Идеи и изобретения

Мы уже отмечали, что нет такой сильной и упорной традиции, которая бы рано или поздно не дрогнула под натиском изменившихся условий и враждебных ей течений. Эти течения иногда возникают независимо от воли людей. Было уже указано, что, например, прирост населения и увеличение его густоты сами по себе меняют условия общественной жизни и делают неудобным и невыгодным тот уклад, который сложился при небольшом – численно и редком – пространственно населении. Такие процессы заставляют людей задумываться над новым устройством жизни и изобретать разные усовершенствования технического и социального характера. Но и помимо такого давления жизни, человеческая мысль, раз пробудившись, критически работает. По мере накопления знаний появляются идеи и изобретения, которые оказывают влияние на действия людей, заставляют их жить по-иному и приводят к тому, что старые традиционные порядки оказываются для них стеснительными, мешают выполнять действия, пользу которых открыло им размышление и знание. Тогда начинается сознательная критика традиции и борьба с ней. Борьба эта бывает иногда очень тяжела и требует от первых пионеров новой идеи большого мужества и жертв.

Каждая новая идея, конечно, опирается на всю ту сумму знаний, которой располагали люди до ее появления. Но она представляет собой не простую новую комбинацию старых традиций, а нечто качественно новое, нечто такое, чего прежде не было. Поэтому для создания новых идей требуется наличие теоретических способностей; не все люди могут быть изобретателями нового. Однако новые идеи не всегда зарождаются в какой-нибудь единичной го-

лове. Следует различать два вида творчества: массовое и индивидуальное. Массовое творчество состоит в том, что меняющиеся условия жизни заставляют сразу целые массы людей, живущих в одинаковых условиях, искать себе новых путей. Появляются новые потребности, которые нуждаются в удовлетворении, и рядовые люди принуждены нащупывать способы для этого. Никаких крупных изобретений при этом не совершается, но происходит процесс неприметного для наблюдателя изыскания новых путей при помощи слабых попыток отдельных личностей, которые встречают подражание со стороны других, прибавляющих кое-что и от себя. Так в течение иногда очень длительного процесса жизнь существенно меняет свой характер, но мы не можем указать тех лиц, которые являются инициаторами перемены. В таких случаях мы и говорим о массовом творчестве. С такого рода творчеством исключительно мы встречаемся в эпохи слабо еще развитой культуры, когда вообще отдельные сильные личности мало выделяются из окружающей общественной среды. Мы уже имели случай отметить, что сознающая себя и свои особенности личность, дорожащая своей свободой и прилагающая для себя новые пути, является сравнительно поздним продуктом общественного развития. Такая личность не может появиться в обществе, однородном по своему составу, в котором все члены живут одинаковым бытом, занимаются одинаковыми профессиями и получают одинаковое образование от окружающей их общественной среды. Только общественное разделение труда вносит в состав общества то разнообразие занятий, общественного положения, воспитания и образования, на почве которого могут возникнуть достаточно яркие индивидуальные различия между людьми и появиться самостоятельная творческая личность. Таким образом, правильным является парадоксально звучащее положение, что общество древнее личности. Оно правильно в том смысле, что личность не в качестве биологической единицы, не в качестве просто отдельного человека, а в качестве существа, сознающего свои духовные особенности, дорожающего ими и отстаивающего свою свободу, есть продукт сложного и длительного общественного развития.

Раз появилась такая личность, ход общественного развития ускоряется. В голове творческой личности, особенно даровитой, сравнительно легко возникают те новые синтезы, мысли и чувства, которые называются новыми идеями и изобретениями. Такая личность выступает в качестве критика и разрушителя традиции, стре-

мится идти вперед по пути завоевания новых знаний и создания новых стремлений и идеалов. Новые идеи, которые создаются изобретателями, конечно, не сразу получают общественное значение, становятся социальными силами. Для этого идея должна завоевывать себе сторонников, приобрести последователей и защитников. В этом направлении начинает действовать подражание. Мы уже замечали, что человеку от природы свойственна склонность к подражанию и что без помощи подражания не было бы возможно вообще никакое взаимное понимание между людьми. Подражание бывает часто совершенно несознательным, некритическим, вытекает просто из присущей человеку склонности повторять действия, образцы которых он видит перед собой. В этих случаях подражание может быть и очень вредно для людей. Но возможно подражание сознательное, критическое, основанное на убеждении человека в доброкачественности того образца, который вызывает его подражание. Новой идее всего труднее найти первых сознательных подражателей, потому что для такого подражания требуется и достаточная работа критической мысли, и достаточное мужество, необходимое, чтобы пойти против вековой традиции, начать вести себя по новому образцу, не так, как ведут себя другие люди. Вот почему первые адепты новой идеи появляются обыкновенно в небольшом количестве и собираются довольно медленно. При таких условиях каждая новая идея могла бы быть легко задушена враждебной ей традицией и теми людьми, для которых выгодно сохранение этой традиции, если бы не действовало одно обстоятельство, которое облегчает первоначальное распространение новых идей. Это обстоятельство состоит в том, что новая идея, которая еще не успела приобрести себе большого числа сторонников, долгое время пребывает в скрытом состоянии, находится, так сказать, под порогом общественного сознания. Попросту на нее мало обращают внимания; она не представляется опасной общественной силой. На ее изобретателя и поклонников часто долго смотрят как на не особенно опасных чудаков, с которыми не стоит бороться, или же просто не замечают их деятельности. За это время идея успевает назреть, завербовать себе достаточное количество последователей и тогда только выступает в качестве новой социальной силы, полагает начало более или менее интенсивному общественному течению. В этот момент идее приходится уже вступить в бой с традицией, защитники которой не пожалеют усилий для того, чтобы воспрепятствовать ее распространению и изменению жизни в ее

духе. Борьба с традицией иногда приобретает ожесточенный характер и вызывает жертвы. Достаточно припомнить, сколько насчитывает история мучеников за новые идеи и верования. Гибнут в этой борьбе и сами инициаторы движения, гибнут, иногда массами, и их последователи. В особенности ожесточенный характер борьба получает в области религиозных и политических убеждений. Гонения религиозного характера переполняют собой страницы истории. Массами гибли христиане от язычников, а затем восторжествовавшее христианство само воздвигло жестокие гонения сперва на язычников, а затем на еретиков, наконец, на ведьм и колдунов. Политические революции также отличаются иногда большой жестокостью и приводят к режиму террора или кровопролитных гражданских войн. И даже научные открытия, как показывает судьба хотя бы Галилея, могут оказаться достаточным поводом для жестокого преследования человека сторонниками традиции.

Интересно отметить, что при распространении в массах и в борьбе с традицией новая идея непременно сама претерпевает известное изменение. В качестве массового достояния она никогда не выступает в том самом виде, в котором сложилась в голове своего изобретателя. Так, проповедь новой религии порождает в массах такие верования, которые никогда не осуществляют в чистом виде учения основателя религии. Дело в том, что идея, чтобы быть усвоенной массами, должна так или иначе приспособиться к уровню их понимания и ко вкусам массы; а этот уровень и вкусы никогда не совпадают с уровнем культурного развития самого изобретателя. В массах сила традиции всегда больше, чем в их вождях; и идее приходится сделать уступки этой традиции, пойти с ней на известный компромисс. Вот почему новые религии, распространяясь в массах, всегда в значительной степени проникаются элементами, традиционно переходящими в них из старых верований и оказывающимися еще в достаточной степени жизнеспособными. Так, христианство, распространяясь среди народных масс, постепенно возрождало в себе некоторые элементы язычества. Языческие боги стали воскресать в лице христианских святых, между которыми стали распределяться атрибуты и предметы ведения этих богов. Другие же боги нашли себе убежище в популярных верованиях в нечистую силу; они обратились в чертей и в таком виде сохранили свое существование.

Новой идее иногда приходится вступать в борьбу не с одной только традицией. Могут рядом с ней оказаться конкурентные

идеи, с которыми приходится также выдержать борьбу. Происходит то явление, которое Тард окрестил именем поединков идей. В такой поединке исход может быть совершенно различен. Возможно, что одно изобретение одержит полную победу над другим. Так, на наших глазах, по-видимому, воздушные аппараты, основанные на принципе «тяжелее воздуха», приближаются к окончательной победе над воздушными шарами. Возможно, что две идеи вступят между собой в компромисс, известным образом разграничат между собой область применения. Так размежевываются в наше время электрический и паровой транспорт: на небольших расстояниях преобладают электрические железные дороги, на больших – паровые. Бывают и такие случаи, что борьба двух конкурентных идей разрешается каким-нибудь новым синтезом, который устраняет и заменяет собой обе эти идеи. Так борьба неоплатонизма с язычеством была устранена торжеством христианства, которое вытеснило собой как язычество, так и мистические учения неоплатоников.

И старую традицию новая идея побеждает обыкновенно не вполне. Мы уже указывали, что, даже одерживая победу над традицией, новая идея обыкновенно утрачивает свою первоначальную чистоту и проникается до известной степени элементами старого порядка; в этом нас убедил пример христианства, пропитавшегося некоторыми элементами языческих верований. Бывает и так, что старая традиция сохраняет свое значение в виде вспомогательного придатка к новому изобретению. Так, появление железных дорог и пароходов не уничтожило вполне старых способов перевозки на лошадях и под парусами; они сохраняли подсобное значение при перевозках на небольших расстояниях, в качестве подъездных путей. Иногда старая традиция сохраняется в виде местного обычая. Не все местности и не все классы общества в одинаковой степени подчиняются влиянию новых идей. Старый порядок часто продолжает жить в качестве обычая известного класса или местности. В деревнях часто долго держатся обряды и обычаи, исчезнувшие уже в городах. Среди купечества и мещанства можно встретиться с нравами, которых давно перестало придерживаться более образованное общество. В глухих местах долго держатся поверия и обороты речи, от которых успела уже отвыкнуть и отказаться вся страна. Наконец, иногда старая традиция сохраняется как простая видимость, как обряд, лишившийся всякого реального значения и жизненного содержания. Римляне давно перестали добывать себе

жен посредством похищения их у соседних народцев; тем не менее при заключении брака сохранились обряды, живо напоминающие на такое умыкание жены. Такого рода явления называются переживаниями; по ним иногда историки могут делать ценные выводы относительно общественных порядков таких эпох, от которых прямых исторических сведений не дошло. Так, историю развития римского завещания удастся восстановить на основании внимательного анализа той формы, в которой завещание совершалось в позднейшие времена и в которой сохранились наслоения от различных эпох, от различных этапов, пройденных завещанием в своем развитии.

Если с новой идеей связывается ожидание благотворных результатов, к которым приведет ее реализация, то с идеей соединяется чувство, которое и придает ей действительную силу. Идея, согретая чувством, обращается в общественный идеал. Идеалы возбуждают человеческие массы и становятся мощным фактором исторического процесса. При этом с идеей происходит то видоизменение, что, обратившись в общепризнанный и вызывающий широкое сочувствие идеал, она перестает уже нуждаться в рациональном обосновании. Ходячий идеал не нуждается в доказательствах, он усваивается массами как нечто само собою разумеющееся, как непоколебимое верование, как догмат. В такой форме идея может приобрести тираническую власть над людьми. Люди настолько проникаются преданностью известной идее, что не допускают никаких сомнений в ее правильности и даже никакой ее критики. Такое отношение к идее называется фанатизмом. Голова фанатика, так сказать, вся наполнена известной идеей. В ее свете он все воспринимает и не видит ничего, что противоречило бы его вере в ее истинность. Фанатизм придает людям большую решительность в поступках и делает их страшно нетерпимыми ко всем, кто не разделяет их образа мысли. Фанатики упорно стремятся преобразовать жизнь в духе своего идеала, и только жестокое сопротивление действительности, которая не укладывается в их схемы, заставляет их рано или поздно уступить или погибнуть в борьбе за нереализуемые идеалы.

Общественная жизнь очень сложна; трудно вперед учесть все те ее факторы, с которыми придется иметь дело, когда мы начинаем воздействовать на нее в известном направлении. Да и знания наши в этой области до сих пор отличаются большой недостаточностью, а раньше были еще более скудными. Поэтому все наши

общественные идеи заключают в себе известную односторонность и никогда вполне правильными не бывают. Как бы мы осторожно ни выработывали наши планы воздействия на общественную жизнь и ее реформирования, в них неизбежно окажутся те или иные ошибки. К этому следует прибавить, что сама общественная действительность никогда не остается в одном и том же положении. Мы знаем, что человеческое общество не есть какая-нибудь устойчивая вещь, но по самому своему существу есть текучий процесс духовного взаимодействия людей. Общество живет и развивается часто совершенно независимо от сознательной воли входящих в его состав людей. Поэтому всякая более или менее основательная общественная реформа, для проведения которой в жизнь требуется время, осуществляется не в том состоянии общества, при котором она была задумана. Самый процесс реформирования обыкновенно настолько будоражит общество, что в жизни его происходят изменения, вызванные фактом реформирования. Особенно серьезны бывают эти изменения, если реформа проводится решительными и резкими приемами, приобретает революционный характер. Возмущенное такими приемами воздействия общество реагирует на них по-своему и под влиянием пережитых потрясений неизбежно меняется. В силу всех этих причин никакая общественная реформа не дает именно тех самых результатов, которые от нее ожидалось. Она может в конечном счете совсем не удалась и вызвать результаты диаметрально противоположные ожидаемым, может удалась только в известной части и рядом с результатами ожидаемыми привести к неожиданным последствиям. Так, история изобилует примерами неудачных экономических мероприятий, которые вызвали последствия, прямо противоположные ожиданиям экономических и политических деятелей. Всякого рода таксы, которые вводились в разные времена и в разных странах для борьбы с дороговизной жизни, сплошь и рядом приводили к тому, что товары совсем исчезали с рынка и дороговизна возрастала или даже сменялась полным отсутствием необходимого для людей продукта. Такого же рода примеры дает нам и политическая деятельность людей. Здесь мы на каждом шагу встречаемся с непредвиденными последствиями таких действий людей, при совершении которых никто об этих последствиях не думал.

Само появление государства было обыкновенно именно таким непредвиденным событием в жизни людей. Государство как оседлое общество с имеющей принудительный характер центральной

властью людьми не изобретено сознательно. Оно само собою выросло из таких действий людей, которыми вовсе не имели в виду создать государство уже потому, что совершавшие их люди о государстве не имели еще никакого понятия. Так, часто государства возникали в результате набега хищного кочевого племени на мирное земледельческое. Если номады, одержав победу, не уходили обратно с захваченной добычей, но нападали на мысль остаться на месте для того, чтобы заставить работать на себя покоренное население, то им приходилось создать прочную организацию военного господства и появлявшаяся таким образом сильная центральная власть получала все признаки власти государственной, а общество распадалось на правящее сословие завоевателей и подчиненные сословия завоеванных. И в истории сложившихся государств подобные процессы постоянно имеют место. Французские короли, опираясь на городское население в своей борьбе с феодалами для усиления королевской власти, не подозревали, конечно, что они содействуют росту и укреплению того самого «третьего сословия», которое впоследствии произвело великую революцию и уничтожило королевский абсолютизм; французские якобинцы, организуя сильную армию для защиты революции от натиска внешних врагов, конечно, не могли предвидеть, что эта армия выдвинет из себя Наполеона, который положит конец революционному процессу своей военной диктатурой. И таких примеров можно привести массу. Вся история наполнена наступлением таких последствий, которых не предвидели и не могли предвидеть исторические деятели.

Вундт дал этому явлению имя гетерогонии целей. Это слово буквально означает зарождение целей извне. Этим Вундт хочет сказать, что подобное наступление последствий, которых не ожидали исторические деятели, заставляет людей, считаясь с этими неожиданностями, ставить себе новые цели, возникающие независимо от их воли и не входящие в их первоначальные расчеты. Отсюда следует, что исторический процесс далеко не всецело определяется сознательной деятельностью людей, не укладывается целиком в человеческие планы и расчеты. Много в истории создается помимо человеческой воли, факторами, которыми людям не удается овладеть. В общественной жизни, как и во всяком процессе природы, действует своя собственная закономерность, не людьми установленная и от людей не зависящая. Если мы хотим иметь успех в нашей общественной деятельности, то мы непременно должны изучать эту закономерность и считаться с нею. Чем полнее

будут наши знания в этой области, тем успешнее окажутся и все наши практические мероприятия в политической и общественной жизни. В этой области, как и повсюду, вполне правильно известное положение Огюста Конта, что знание дает предвидение, а из предвидения вытекает могущество.

Глава IX. Дух времени

В результате духовного взаимодействия людей вырабатывается известный фонд идей, которые пользуются более или менее общим признанием, и чувств, которые имеют более или менее широкое распространение. Этот запас идей и чувств составляет содержание так наз. общественного сознания. Вместилищем общественного сознания, конечно, являются психики отдельных участников общества. Тем не менее об общественном сознании можно говорить как о реально существующем факте, потому что содержание идей и чувствований, его составляющих, есть плод работы не этих именно людей, но взаимодействия, составляющего общественную жизнь. В этом взаимодействии деятелями являются не только наличные члены общества, но и предыдущие поколения, которые давно сошли со сцены, оставив в том или ином виде закрепленные продукты своей деятельности. Каждый член общества заимствует из окружающей среды эти идеи и чувствования уже в готовом виде, он их воспринимает как нечто объективно данное, не ему лично принадлежащее. Содержание общественного сознания усваивается участниками общества при посредстве воспитания, образования и простого общения с другими людьми. Научные истины, ходячие суеверия, религиозные догматы, общепринятые манеры и приемы поведения, все это заимствуется человеком из общественного сознания. И чем зауряднее человеческая личность, чем меньше способна она к самостоятельному, оригинальному творчеству, тем больший процент ее духовных содержаний оказывается заимствованным из общественного сознания. Многие содержания последнего имеют, как мы убедились раньше, даже императивный характер. Общество требует, чтобы мы подчинялись общепринятым нравам и обычаям, чтобы мы разделяли ходячие верования, чтобы мы не спорили с общепризнанными истинами. Люди, которые выступают против всего этого, в большей или меньшей степени вызывают против себя раздражение окружающих и могут стать жертвами общественного негодования и преследования.

Даже если мы присмотримся к так называемым великим людям, то должны будем признать, что и они стоят в сильной зависимости от окружающей общественной среды. Великими людьми в точном смысле этого слова являются те личности, которые одарены от природы особенно сильной психикой, которые в значительной степени наделены способностью к самостоятельному, оригинальному творчеству. Эти люди обогащают человечество новыми синтезами научной мысли, создают производящие чарующее эстетическое впечатление произведения художественной фантазии, изобретают ценные технические усовершенствования, создают удачные политические преобразования, с успехом руководят военными действиями и т. п. Их личность, несомненно, оказывает влияние на ход общественных процессов. И тем не менее, и они всегда являются детьми своего времени, проникнуты его духом. Было бы несомненной крайностью утверждение, что в истории в сущности нет никаких великих людей, что если бы не было Наполеона, то, как утверждает один из современных ученых, роль его с успехом выполнил бы любой из его маршалов. Наполеон, конечно, внес в историю нечто свое субъективное; быть может, основного хода событий он изменить и не смог бы, но он придал этим событиям до известной степени колорит своей личности, выступил как один из самостоятельных факторов в их течении. Спенсер прав, говоря, что Ньютоны не рождаются среди готтентотов и Мильтоны среди папуасов. Но на это можно с полным основанием сделать и то замечание, что не все англичане XVII века родились Ньютонами или Мильтонами. Гений есть все-таки биологическая случайность, так как предполагает особенно удачное сочетание психических свойств, получающееся в результате во многом для нас еще таинственных процессов наследственности. Тем не менее верно то, что Ньютон и Мильтон могли одарить человечество своими открытиями и произведениями, только опираясь на всю ту массу знаний и культурных приобретений, которыми располагало окружающее их общество и которые были созданы трудами поколений. Ньютоны и Мильтоны из этих данных создают новые синтезы, нечто такое, чего не было прежде и что двигает вперед человеческую культуру. В этом состоит их великая заслуга перед человечеством. Но почву под собой они находят также в общественном сознании. Самый успех свой мировые гении получают лишь в том случае, если окружающее общество заметит и по достоинству оценит их произведения. Иначе гений останется непризнанным, и его труды социального значения

не получают. Как бывают ложные великие люди, которые не по заслугам получают эту квалификацию от своих современников и затем развенчиваются историей, так бывают и неудавшиеся гении, то есть сильные творческие личности, которые не подошли к окружающему обществу, не получили почему-либо его признания и не оказали влияния на ход общественных процессов.

Наличность общественного сознания приводит к тому, что во всякой эпохе имеются определенные тенденции, которые проникают разные стороны общественной жизни и которыми окрашиваются различные продукты общественного творчества. Эти тенденции проявляются и в праве и учреждениях, и в религии и культе, и в литературе и изобразительных искусствах, и даже в технике и приемах делового оборота. Они налагают своеобразный отпечаток на всю эпоху, составляют характерные ее черты. Так, мы можем смело утверждать, что XVI столетие было проникнуто религиозными интересами, борьбой католицизма с реформационными движениями и что эта черта эпохи наложила свой отпечаток на всю ее общественную жизнь. С таким же основанием XVIII век называется обыкновенно веком просвещения; для этой эпохи характерна вера в силу человеческого разума и в тот прогресс, который происходит в результате борьбы просвещения с невежеством, заблуждением и обманом. Последующая эпоха обыкновенно характеризуется как эпоха романтизма. Для нее характерно преклонение перед чувством, перед иррациональным элементом в истории и в жизни отдельных людей, упадок веры в разум и в спасительность создаваемых им простых отвлеченных схем.

Эти господствующие в каждую эпоху тенденции и составляют то, что называется обыкновенно духом времени. Иногда это явление получает другое наименование. Основатель современной социологии – Огюст Конт – в половине XIX столетия говорил по этому поводу о так называемом *consensus* как об основном законе социальной статики. Современный философ Вильгельм Вундт называет это явление законом исторических соотношений. Как бы его ни называть, оно имеет большое значение в общественной жизни и оказывается большим подспорьем для историка при изучении минувших эпох. Имея в виду наличность духа времени, историк может на основании тех данных, которыми он располагает относительно известной эпохи, умозаключать и о тех сторонах общественного быта, о которых исторических данных до него не дошло. Так он может предположительно восстанавливать то, что некото-

рые ученые предлагают называть скрытыми фактами общественной жизни. Так, мы знаем, что древнее римское право было проникнуто символизмом и формализмом. Это значит, что все юридические сделки заключались в особо торжественной форме, которая имела символическое значение, в образах выражала известное отвлеченное содержание; при этом соблюдение форм требовалось с очень большою строгостью, так что малейшее упущение в установленном ритуале вело к тому, что вся сделка лишалась юридической силы. Основываясь на этих данных, мы можем предполагать, что встретимся с теми же чертами и в иных областях общественного сознания данной эпохи. И действительно, мы видим, что с тем же формализмом и символизмом мы встречаемся в области религиозного культа и даже в области отвлеченной мысли. Если древнему римлянину нужно было объяснить предположительно происхождение какого-нибудь непонятного ему названия или обряда, то он не изобретал по этому поводу отвлеченно выраженной гипотезы, как сделал бы современный культурный человек, но сочинял образный рассказ, в котором и передавал свою догадку. Так догадку о том, что некоторые обряды заключения римского брака стоят в связи с давно исчезнувшим умыканием жен, римлянин передавал в форме мифа о похищении сабинянок, имевшем место будто бы при самом основании города Рима. Ясно, что в такого рода приемах мысли сказывается та же склонность к образным символам, которая наложила свой отпечаток на древнеримское право и на древнеримский культ.

Однако с понятием духа времени следует обращаться осторожно. Дело в том, что не все области общественной жизни и деятельности бывают в одинаковой степени проникнуты господствующими тенденциями. Эти тенденции обыкновенно встречаются с тенденциями, им противодействующими, и конкретная действительность получается из взаимодействия всех этих факторов. Противодействующие тенденции бывают двух родов: одни из них обращены к будущему, в них выражается дух последующей эпохи, другие же обращены к прошедшему, в них содержатся отзвуки прошлого. Что касается последующих эпох, то их тенденции обычно складываются под действием того социологического закона, который Вундт предлагает называть законом или принципом исторических контрастов. Стоит этот закон в том, что каждая идея и каждое чувство в историческом развитии сменяются своей противоположностью. Этот закон стоит в связи с законом индивидуальной психологии, который

проявляет свое действие в жизни чувств. Наша нервная система устает работать в одном направлении и потому стремится к изменению этого направления в противоположное. Если известное чувство продолжается слишком долго или достигает слишком большой степени напряжения, то мы им утомляемся и пресыщаемся, и оно сменяется своей противоположностью. Всякое наслаждение, если им злоупотреблять, приводит к пресыщению, и его возбудители начинают вызывать отвращение. Такое состояние наступает в случае всякого пресыщения будь то пищей, напитками или какими-либо иными удовольствиями. Нечто подобное имеет место и в общественной жизни. Каждая господствующая идея или чувство кончают тем, что изживают себя. Общество, утомившееся деятельностью в этом направлении, обращается к идеям или чувствам противоположным. Это тем более естественно, что ни одна наша идея не бывает ошибочна, ни одно чувство – всеобъемлющим. Поэтому увлечение в одну сторону неизбежно вызывает не только утомление, но и справедливое разочарование; ни идея, ни чувство не дают никогда всего того, чего от них в порыве увлечения ожидали, и общество бросается в другую крайность. Как в физическом мире всякое действие равно противодействию, так в мире общественных отношений всякое течение сменяется противоположным, всякое увлечение вызывает соответственную реакцию. Вот почему исторический процесс получает зигзагообразный характер. Каждая новая эпоха больше похожа не на непосредственно предшествующую, а скорее на ту, которая от нее этой последней отделена.

Контрастные течения появляются не во всех областях жизни в одно и то же время. Бывают такие области, в которых известные тенденции держатся более упорно, тогда как в других новый дух раньше пролагает себе дорогу. Вот почему господствующий дух эпохи не во всех областях жизни проявляется с одинаковой силой. Кое-где он еще держится полным хозяином, в других же областях он начал уступать место новым контрастным течениям. Это обстоятельство вносит известную пестроту в нравы, учреждения и продукты деятельности каждой эпохи. Но эта пестрота усиливается еще и с другой стороны. Как есть области жизни, сравнительно более податливые для новых течений, так имеются и такие, которые оказываются особенно неподатливы для всяких новшеств и в которые поэтому дух времени не проник совсем или проник не в достаточной степени. Такие области по своему духу также отличаются

от всей остальной общественной жизни и представляются в ней как бы обломками прошлого, своего рода островками, куда укрылся дух минувших эпох. Выше было указано, что особенной силой сопротивления отличаются религиозные догматы и обряды. Немалое сопротивление новшествам оказывают и привычные учреждения, с которыми народ сроднился и которые стали традиционными, освящены силой векового обычая. В таких случаях мы имеем дело с так называемыми переживаниями, о которых нам уже приходилось говорить в другой связи.

К этому следует добавить, что не все члены общества в одинаковой степени усваивают себе содержание общественного сознания. Не говоря о том, что среди людей есть натуры более даровитые и восприимчивые, которые способны усвоить себе больший процент содержания знания и чувств, выработанных общественным сознанием, в этом отношении имеет значение и общественное положение людей. Чем более дифференцировано общество, чем сильнее проведен в нем принцип разделения труда, тем различнее оказывается положение в обществе отдельных его членов. Они начинают отличаться друг от друга и по своим занятиям, и по предварительной подготовке, по характеру образования и воспитания, и по образу жизни и уровню его, и по характеру той общественной среды, в которой преимущественно приходится им вращаться. Этим вызывается то обстоятельство, что они не в равной степени и не с одной и той же точки зрения усваивают себе содержание общественного сознания. Не все они в одинаковой мере воспринимают те научные познания, которыми располагает данное общество, и тот запас чувствований, которыми воодушевляется эпоха, в которую они живут. Каждый из них является, так сказать, особым фокусом, в котором своеобразно преломляются лучи, падающие из общественного сознания. У каждого из них складывается свое собственное представление о мире и появляются свои собственные интересы, вызываемые особенностями его классового и личного положения.

Вот почему, несмотря на существование определенного духа времени и определенного содержания общественного сознания, различные члены и классы одного и того же общества могут неодинаково мыслить, поступать и реагировать на одни и те же события. Если общество чем-нибудь взволновано, то оно реагирует на возбудитель волнения тем, что называется выражением общественного мнения. Общественное мнение может выражаться не

только в теоретических суждениях и в чувствованиях, но и в действиях. Общество действует, например, когда оно порождает из себя раздраженные и буйные толпы, выражающие свое негодование резкими поступками, или когда оно единодушно голосует за какую-нибудь партию на выборах или за какой-нибудь лозунг на собраниях или при референдуме. В такого рода действиях проявляется массовый дух толпы или публики, их нельзя анализировать как действия единичных лиц. В их основе лежит причинность не психологическая, но социологическая. Однако общественное мнение далеко не всегда выражается в единодушных поступках. Напротив, часто в обществе наблюдается борьба противоположных тенденций, которая иногда достигает большого напряжения и может дать повод к ожесточенным столкновениям, кончиться даже вооруженными выступлениями, кровопролитием. Такое состояние наступает в результате именно того, что, несмотря на единое содержание общественного сознания, дифференцированное общество распадается на отдельные классы и несходные по своему духовному содержанию и по господствующим интересам личности, которые, все оставаясь детьми своего века и своего народа, тем не менее неодинаково реагируют на одни и те же раздражители. Такая борьба мнений и общественных течений также имеет свою аналогию в процессах индивидуальной психологии. Ведь и в психике отдельного человека часто принятию решения предшествует борьба противоположных стремлений и мотивов, борьба подчас очень тяжелая и не всегда кончающаяся благополучно. Иногда после тяжелой внутренней борьбы человек так и оказывается не в состоянии принять определенного решения или же, приняв его и поступив в его духе, затем становится жертвою позднего и бесплодного раскаяния или угрызений совести. Так и общества не всегда благополучно выходят из той внутренней борьбы, которая начинается в них благодаря столкновению противоположных мнений и интересов. Иногда общества ослабевают в такой борьбе настолько, что им не удается установить в своей среде порядка и спокойствия. Такое общество легко может стать добычей внешнего врага или же разложиться, захиреть в процессе самораздиания.

Из такого состояния общество может выйти при помощи какого-нибудь лозунга, которому удастся до известной степени примирить противоречия и объединить людей, или же при помощи даровитого вождя, который окажется способным сосредоточить в своих руках достаточную силу для того, чтобы сломить противодействие

несогласных элементов и заставить их подчиниться устанавливаемому им порядку. Но нельзя сказать, чтобы почтение таких лозунгов или таких вождей в истории было обеспечено. Утверждать это может только историческая метафизика, которая верит в известный предустановленный план исторического процесса. С точки же зрения положительной науки, появление спасительных идей или деятелей представляет собой непредвиденную историческую случайность. Может сложиться такая счастливая комбинация, но может и не сложиться. Не всякая эпоха находит своего великого человека или великую идею; целые народы могут погаснуть, не дождавшись ни того ни другого.

Глава X. Виды общественных союзов

Общество, как много раз уже указывалось нами, есть постоянно текущий и меняющийся процесс духовного взаимодействия людей. Поэтому в обществе нет ничего безусловно устойчивого. Изучая общественную жизнь, мы не имеем дела с чем-либо подобным твердым телам физического мира, которые могут оставаться неизменными в течение долгого времени. Тем не менее об известной устойчивости можно говорить и применительно к общественным отношениям людей. В обществе развиваются процессы более или менее длительного характера. Кратковременные процессы мы называем общественными течениями. Если общество чем-либо возбуждено, в нем начинается такое течение, которое и продолжается, пока действует причина возбуждения. Общественные течения выражаются в выступлениях толпы или публики, в действиях организованных собраний. Но бывают и такие формы человеческого общения, в которых отношения участников в течение более или менее продолжительного срока остаются однохарактерными, получают однообразный уклад. Тогда мы можем говорить о наличии уже не течения, но устойчивого общественного образования или круга, об общественном союзе. Содержание общения между людьми, входящими в такой союз, может меняться; неизменной остается его форма, то есть самый процесс взаимодействия, так сказать, механизм общения, свойственный данному союзу. Такой характер имеет, например, семейный союз, то есть длительное общение родителей и детей, в котором устанавливаются более или менее прочные отношения между людьми, известная их иерархическая зависимость друг от друга, известная власть одних над другими.

Другим примером может служить государство, общественный класс и т. п.

Такие устойчивые социальные образования или общественные союзы обыкновенно возникают помимо воли людей, в силу действия социальной закономерности. Потребность вступить в половое общение приводит к брачному союзу между мужчиной и женщиной. Этот союз может быть очень кратковременным. Но люди привязываются друг к другу и к своему потомству. На этой почве бытие семейных союзов становится все более и более длительным, и они получают прочную организацию. Мы видели уже, что и такой союз, как государство, не выдумывается людьми сознательно, не изобретается ими, но возникает как непредвиденное последствие таких действий, при совершении которых люди вовсе не думали об установлении государственного общежития, например, в результате успешного набега кочевников на мирное оседлое население. Когда же общественный союз сложился, он может подвергнуться сознательной переработке со стороны людей. Они могут подумать о более правильном его устройстве, о том, чтобы он лучше удовлетворял тем задачам, которым начал служить. Тогда союз из каузально, самопроизвольно возникшего превращается в финально, целесообразно устроенный человеческим разумом. Такие союзы мы называем организациями. В отличие от них союзы, возникшие самопроизвольно, мы будем называть каузальными или спонтанными.

Каузально возникшие союзы могут быть поделены на две категории, между которыми имеются существенные различия. Одни из них охватывают личность как конкретное существо со всеми ее индивидуальными особенностями. Нельзя сказать, что они непременно претендуют на господство над всеми проявлениями жизни своих участников. Но во всяком случае нельзя вперед сказать, чего именно они могут потребовать от своих сочленов, на какие именно проявления их деятельности распространится их власть. Для власти такого общественного союза над его членами могут быть поставлены только отрицательные границы, то есть определено, чего именно он не может требовать от своих членов; но ее содержание нельзя исчерпать указанием тех определенных действий, которые он только и может от них требовать. Такой характер имеет тот же семейный союз. Власть родителей над детьми может быть значительно ограничена. В современной семье она значительно уже, чем, например, в древнеримской, где домовладыка мог судить своих

подвластных за преступления и предавать даже смертной казни. Но и в современной семье, где отеческая власть поставлена в сравнительно узкие отрицательные границы, мы не можем исчерпать ее содержания перечнем тех действий, которые только и может отец потребовать от детей в силу принадлежащей ему власти. Эти действия могут быть весьма разнообразными, так как отец руководит воспитанием детей, определяет характер той профессии, которой будут обучаться его малолетние дети, следит за их поведением и несет за них известную ответственность перед окружающим обществом. Точно так же и содержание той власти, которой государство располагает над своими гражданами, не может быть сведено к возможности требовать от граждан тех или иных определенных действий; власть государства над гражданами в благоустроенном государстве также не безгранична, но она во всяком случае простирается не на отдельные стороны общественного бытия людей, а на цельные человеческие личности во всей их конкретности. Такого рода общественные союзы мы предлагаем называть группами.

От групп следует отличать классы. Классом называется такое длительное соединение людей, при котором они соприкасаются между собой только отдельными сторонами своей жизни и деятельности. Поэтому и самый союз не претендует на сколько-нибудь неопределенную власть над своими членами. Они интересуют его собой только в строго определенном смысле, и за эти пределы власть союза не выходит. Содержание этой власти поэтому может быть вперед исчерпано указанием тех действий или тех сторон деятельности людей, на которые она распространяется. В состав класса личность входит не как конкретное существо во всей полноте своих индивидуальных особенностей, но только известными сторонами своего бытия; личность выступает здесь как своего рода социологическая абстракция: сама жизнь как бы выделяет из нее ту или другую сторону ее общественного бытия, которой она соприкасается с другими личностями и соединяется с ними в классовый союз. Так, если среди общества, живущего самодовлеющими земледельческими хозяйствами, в которых слабо проведено разделение труда, так что каждое хозяйство изготавливает себе все, в чем нуждаются его члены, появляются люди, которые начинают специально заниматься каким либо ремеслом, например кузнечным, или иным делом, например торговлей, то, с одной стороны, эти люди по своему образу жизни начинают выделяться из остального общества, с другой же стороны, они начинают между собой соприка-

саться в той именно степени, в какой для них оказываются одинаковыми их занятия. В этом случае мы можем сказать, что в обществе появляются профессиональные классы: все кузнецы составляют особый класс, поскольку они выступают именно в качестве кузнецов; другой класс составят все купцы. У кузнецов и купцов неизбежно окажется известная общность интересов, которая и сблизит их до известной степени. Но все же класс кузнецов будет интересоваться своими членами лишь постольку, поскольку они выступают именно как кузнецы. До остальных проявлений их жизни и деятельности, например, до их семейных отношений, ему может не быть никакого дела. И те требования, которые этот класс начнет предъявлять к своим членам во имя солидарности их профессиональных отношений, будут касаться только их жизни и деятельности как кузнецов, то есть получать строго определенный характер; характер власти союза над своими членами будет определяться не отрицательным, но положительным. Кузнец принадлежит к своему профессиональному классу не в качестве конкретной личности во всей полноте ее проявлений, но именно только взятый в качестве кузнеца, как своего рода социологическая абстракция.

Принадлежность к группам и классам входит в сознание людей. Группы и классы оказываются в известных отношениях полезными людям, так как принадлежность к ним лучше обеспечивает их интересы. В семейном союзе дети получают воспитание и образование, родители удовлетворяют своему чувству симпатии и нежности, в старости и болезни получают уход и заботу. Профессиональный класс может сплоченным действием относительно окружающего общества оградить профессиональные интересы своих сочленов. Но в других отношениях эти союзы могут и стеснять жизнь своих сочленов, оказываться для них тягостными. Семейная власть может казаться некоторым членам семьи слишком мелочной или деспотической, профессиональный класс может вмешиваться в профессиональную деятельность своих участников. Поэтому люди обращают большое внимание на все эти устойчивые союзы, к которым принадлежат. Человеческая мысль над ними работает, критикует тот уклад, который они получают, вырастая сами собой, спонтанным процессом, и пытается выработать для них уклады, более отвечающие сознательным человеческим целям, преобразовывать их форму и деятельность сообразно определенному плану. В таком случае группы и классы обращаются из каузально возникающих союзов в финально, целесообразно построенные людьми организа-

ции. Такой организацией становится семья, когда ее жизнь урегулирована нормами права или общественных нравов, государство, когда оно выработало для себя определенную конституцию, профессиональный класс, когда он осознал свое бытие и придал себе форму профессионального союза с определенным уставом, определенными органами и задачами.

Люди не ограничиваются простым преобразованием в организации групп и классов, которые выросли помимо их воли, спонтанным социальным процессом. Они начинают и вновь создавать организации, с начала до конца представляющие собой продукт сознательного финального человеческого творчества. Такой характер имеют, например, торговые и промышленные товарищества, которые сознательно учреждаются для преследования определенных целей и иногда получают очень сложную организацию, так что, например, бытие их становится независимым от смены входящих в них людей; участники товарищества могут постоянно меняться, но организация его остается той же самой, и оно само рассматривается в обороте, как отдельная личность со своим особым имуществом. Такой характер имеет акционерная компания; членом ее становится всякий, кто приобретает акцию, то есть документ, с которым соединено право участия в компании, право подавать голос в общих собраниях акционеров и получать долю прибылей компании, дивиденд. Но акции свободно продаются на бирже, одни люди их покупают и тем самым вступают в компанию, другие продают и тем самым из нее выбывают. Самая же акционерная компания остается той же самой; ее управление определено ее уставом; согласно уставу собираются общие собрания, на них принимаются большинством голосов постановления, выбираются члены правления, которые затем заключают на имя компании всякого рода договоры, приобретают и отчуждают имущество компании. Это имущество и считается имуществом отдельных акционеров: оно принадлежит всей компании как социальной организации. Организация эта имеет свою волю, которая вырабатывается указанным социологическим путем, путем постановлений общих собраний и выборов правления, и такой воли вполне достаточно, чтобы выступать в качестве самостоятельного обладателя имущества. Такие участники гражданского оборота в юриспруденции получили название юридических лиц в отличие от лиц физических, каковыми являются отдельные люди, наделенные способностью приобретать права и нести юридические обязанности. Такой же искусственно

созданной организацией является любое тайное общество, например, общество политических заговорщиков или союз контрабандистов. В значительной степени характер искусственной организации имеет армия, то есть большое общество людей, которое сознательно устроено так, чтобы все его члены согласно действовали для совместного производства вооруженной борьбы с врагом от имени государства: чтобы армия могла действовать согласно, в ней пытаются создать особый дух взаимной координации действий и настроений всех ее участников, который носит название военной дисциплины.

Все виды общественных союзов находятся между собой в известных соотношениях. Их отношения могут быть мирными или враждебными, между их интересами может намечаться солидарность или антагонизм. В особенности разнообразным видом общественных союзов оказываются общественные классы. В классы люди входят отдельными сторонами своего существа. Поэтому классы могут быть весьма разнообразны по характеру тех интересов, которыми сближаются и объединяются их члены. Очень большую роль в обществе играют классы экономические, то есть такие, члены которых объединяются интересами, стоящими в связи с хозяйственной деятельностью, направленной на обеспечение так называемых материальных потребностей. Но и экономические классы могут быть весьма различны. Можно различать здесь классы производственные, которые покоятся на различии ролей, выполняемых людьми в процессе производства: классы рабочих и предпринимателей; но бывают и классы распределительные, основанные на различии источника экономического дохода: получатели заработной платы, земельной ренты, прибыли на капитал; с этими классами далеко не совпадают классы потребительные, покоящиеся на уровне жизни и трат: богатые, люди среднего достатка, бедные, нищие. Классы можно затем делить на профессиональной почве, на основании разделения труда. Так мы получаем, например, классы промышленные, торговые, сельскохозяйственные. Можно далее различать классы по месту жительства: горожане и сельчане, жители столиц и провинциалы. По степени образованности люди делятся на классы культурные и малокультурные, по участию во власти и управлении государством на господствующие и подчиненные, на управителей и управляемых, на военных и штатских. Можно признать классами даже такие объединения людей, которые покоятся на различии и общности пола и возраста. Можно сказать,

что женщины, дети, молодежь являются особыми классами общества. На почве таких классовых делений по полу и возрасту могут даже возникнуть особые классовые организации, каковы женские союзы, союзы молодежи и т. п.

При таком разнообразии классов и взаимные отношения классов могут быть весьма различны. Классы могут быть солидарны в своих интересах, но может существовать между ними антагонизм и даже классовая борьба. То же самое относится и к группам. Можно сказать, что классы по самой своей природе более склонны к борьбе, тогда как группы – к мирному симбиозу. Дело в том, что группы обыкновенно устраиваются так, что они входят одна в другую, и отдельное лицо может принадлежать к разным группам только тем путем, что меньшие группы, в состав которых оно входит, сами входят в группы большего объема. Так человек как член семейного союза тем самым входит в состав сельской или городской общины, к которой принадлежит данная семья, а затем и того государства, к которому относится эта сельская или городская община. Напротив, к классам человек принадлежит только отдельными сторонами своей личности и самые классы не входят друг в друга, но лежат друг подле друга, координируются, а не подчиняются друг другу. Поэтому человек может сразу принадлежать к различным классам и притом даже довольно свободно комбинировать эту принадлежность. Человек может сразу быть членом профессионального класса, в то же время принадлежать к какому-нибудь художественному кружку, быть членом армии в качестве офицера или рядового запаса, участвовать в союзе молодежи или в женском союзе. Чем подвижнее становится общественная жизнь, тем свободнее начинают люди комбинировать общественные круги, к которым они принадлежат, и тем более показательной для каждой личности становится та комбинация этих кругов, которую она для себя создала.

Круги настолько разнообразные, как классы, часто порождают классовый антагонизм. Дело в том, что те интересы, которыми люди объединяются в классы, могут оказаться противоположными друг другу. Такая противоположность может привести от антагонизма к настоящей борьбе. Классовая борьба играет большую роль в жизни дифференцированных обществ, и некоторые ученые склонны считать ее даже самым главным фактором в эволюции государства. Отдельные общественные классы предъявляют к государственной власти различные требования, сообразно характеру своих интересов. Эти требования часто противоречат друг другу;

то, что выгодно предпринимателям, может быть губительно для рабочих, то, что выгодно для сельских хозяев, может наносить большой ущерб промышленным и торговым классам. Государственной власти приходится искать способов справедливого разграничения этих противоречивых интересов. Найти такой путь иногда бывает очень трудно и даже невозможно. К этому следует прибавить, что сама государственная власть не всегда бывает вполне беспристрастна. Так как от ее содействия и противодействия зависит очень многое в удовлетворении человеческих интересов, то между людьми происходит и борьба за участие во власти, борьба политическая. В результате этой борьбы оказываются классы, ближе стоящие ко власти и получающие возможность воздействовать на нее в духе своих односторонних классовых интересов. Такие классы называются господствующими. Но всецело определить свою политику их интересами государственной власти опасно, так как это может вызвать раздражение других классов общества, которые никогда не бывают совершенно бессильными; а подобное раздражение может повести к опасным волнениям и даже к переворотам в жизни и устройстве государства. Все это заставляет человеческую мысль постоянно работать над поисками такого социального строя, который избавил бы человечество от подобной несправедливой власти и от классовой борьбы и дал бы людям возможность мирно и без всякого антагонизма работать для удовлетворения своих разнообразных материальных и духовных интересов. Такие цели ставят себе различные политические теории, создающие учения об идеальном общественном строе, о способах проведения в общественную жизнь идеала социальной справедливости, свободы, равенства и братства.

Глава XI. Общественная культура

Общественная культура состоит в преобразовании общественных отношений согласно человеческим идеалам. Все предыдущие рассуждения должны были убедить нас в том, что общество составляет часть природы, что общественные процессы не случайны; в них проявляется природная закономерность, действующая независимо от человеческой воли. В обществе многое происходит под влиянием географической обстановки, под влиянием биологических свойств составляющих его людей, под влиянием антропологических, половых и расовых различий, под влиянием таких процессов, как рост или уменьшение населения, или таких, как образо-

вание устойчивой традиции, не поддающейся изменениям и замыкающей жизнь в рамки старых, не подходящих к новым условиям порядков. Все подобные процессы и условия создаются не человеческой волей и производят последствия, которые часто для людей тягостны и невыносимы. Когда человек страдает от действия сил физического мира, то он пытается воздействовать на физическую природу, преобразовать ее в духе своих потребностей и создает то, что называется материальной культурой. Когда человеку доставляют неприятности и невыгоды некоторые свойства его характера или образовавшиеся у него дурные и вредные привычки, то он также вступает с ними в борьбу и путем создания новых навыков пытается переделать свой характер, а также выработать себе новые более здоровые привычки; так создается духовная культура. Культура общественная состоит в борьбе с теми результатами природной закономерности социальных процессов, которые также не удовлетворяют человеческим нуждам и стремлениям. Нам предстоит рассмотреть, во имя каких целей и какими средствами создается эта последняя культура.

Что касается целей общественной культуры, то они содержатся в так называемых общественных идеалах. Идеалы эти бывают весьма разнообразны; по поводу их содержания постоянно происходят между людьми оживленные споры и часто дело доходит до ожесточенной борьбы, иногда с оружием в руках. И тем не менее я позволяю себе утверждать, что разногласия касаются главным образом средств, а не основной цели. Средства могут предлагаться различные и, конечно, вопрос об их выборе имеет огромное практическое значение, так как этим выбором определяются пути непосредственной деятельности. Потому и споры о средствах получают чрезвычайно важное практическое значение. Но основная цель всякого общественного и политического преобразования у честных и искренних политических деятелей всегда остается одна и та же. Этой целью во все эпохи и у всех народов является достижение основного идеала социальной справедливости. В качестве руководящей идеи социальная справедливость всегда остается одной и той же. Разница между историческими эпохами состоит в том, что в малоразвитой культуре стремление к социальной справедливости действует в виде темной эмоции, недостаточно осознанной и создаваемой просто некоторыми условиями, присущими общественной жизни по самой ее природе. Чем дальше развивается культура, тем созидательней становится идея социальной справедливости,

тем лучше она начинает формулироваться. Споры все более и более начинают обращаться не на эту основную истину социального прогресса, но только на наилучшие средства практического осуществления справедливости, реализации основного идеала.

Существо социальной справедливости, как мне кажется, может быть выражено в короткой формуле; она сводится к гармоническому примирению личной свободы и благосостояния с благосостоянием человеческого общества. Такое стремление вытекает, как было только что сказано, из некоторых основных свойств человеческого общежития.

Кант сказал, что человек есть существо до известной степени двойственное и противоречивое. Ему присуще то свойство, которое этот философ окрестил именем *ungesellige Geselligkeit**. Этим кенигсбергский мудрец хотел сказать следующее: человек по природе есть общежительное существо. Вне общества он не может существовать и развиваться. Но в то же время человек представляет из себя особую биологическую единицу со своими личными потребностями и интересами; с течением времени, по мере возрастания культуры, в людях появляются и важные духовные особенности, они вырабатывают себе личные вкусы и воззрения, в которых они могут довольно резко расходиться со вкусами и воззрениями, господствующими в окружающей их общественной среде. Вот отсюда-то и возникает «необщественная общественность» человека. С одной стороны, человек стремится к общению и дорожит им. С другой же стороны, он отстаивает свое личное бытие и свою свободу и протестует против всяких ограничений. Между тем общество, в котором каждый из нас живет, не может не предъявлять к вам своих требований, которые часто идут вразрез с нашими личными потребностями, интересами, вкусами и воззрениями. Без удовлетворения этих требований общество жить и развиваться не может. Так, если обществу грозит вторжение внешнего врага, то оно призывает своих членов к оружию и заставляет их рисковать даже своей жизнью во имя общественной безопасности. Человеку приходится вступать в борьбу с таким естественным и мощным личным инстинктом, как инстинкт самосохранения, во имя общественного интереса. И такие конфликты в общественной жизни происходят на каждом шагу. Общество вынуждено устанавливать для себя определенный порядок, издавать нормы, которыми требу-

* Необщительная общительность (нем.). – *Прим. ред.*

ет от своих членов известного поведения, совершения одних действий и воздержания от других. Отдельные личности могут быть несогласны с этими нормами, могут не желать подчиняться их действию, а общественная власть их к этому принуждает, заставляет повиноваться под страхом тяжелых наказаний, которые могут доходить даже до смертной казни. Все это создает неизбежный антагонизм между личностью и обществом: личность стремится к свободе, которая дала бы ей возможность беспрепятственно осуществлять свои собственные интересы и устраивать свою жизнь согласно собственным вкусам и воззрениям. Общество требует, чтобы его члены подчиняли свои личные интересы требованиям общего блага и сообразовали свое поведение не с личными вкусами, а с нормами, установленными или признанными общественной властью. Происходит столкновение личной свободы и общественного принуждения, которое может разрешиться даже открытой борьбой.

Но дело этим не ограничивается. Личности с однородными интересами группируются в общественные классы. Антагонизм личности и общества осложняется антагонизмом общественных классов. Мы уже имели случай говорить о том, что интересы отдельных классов часто не совпадают и даже друг другу противоречат. Капиталисты-предприниматели заинтересованы в том, чтобы заработная плата была возможно ниже; интересы рабочих идут в диаметрально противоположном направлении. Промышленники выигрывают, если на товары, ими изготовляемые, вводятся высокие ввозные пошлины, которые возвышают цены, интересы потребителей только страдают от подобного протекционизма. И такие примеры можно приводить без конца. Справедливость требует, чтобы все эти сталкивающиеся интересы были оценены с точки зрения их соответствия благу всего общества и удовлетворялись только в этих пределах. Если власть общественная в своих распоряжениях руководится интересами только одного какого-нибудь общественного класса, а не масштабом общего блага, и в жертву этим интересам приносит интересы других классов или общества, взятого в целом, то такая власть квалифицируется как несправедливая, пристрастная.

Идеал социальной справедливости состоял бы именно в том, чтобы создать в общественной жизни такой порядок, при котором каждая личность получила бы возможность свободно жить по своим вкусам и склонностям, причем, однако, от этого не страдали бы интересы других личностей, и возможно было бы благосостояние всего общества, крепость и процветание общественного союза в

целом. Осуществить этот идеал до крайности трудно, и до сих пор он никогда и нигде осуществлен не был. Трудно даже теоретически отыскать правильный путь в борьбе противоположных личных, классовых и общегосударственных интересов. А если такой путь и может быть найден, то трудно найти таких членов общества, которые добровольно согласовали бы свои действия с полученными выводами, и такую власть, которая всецело и вполне искренно стояла бы на защите справедливости и не допускала бы в своих действиях никакого пристрастия и лицемерия. Для достижения социальной справедливости необходимо воздействие на отдельных людей для воспитания их в духе этого идеала и на общественную организацию для создания власти, которая хотела и умела бы быть справедливой.

Как сказано выше, предлагаются разные средства для практической реализации идеала социальной справедливости. Для этой цели создаются системы педагогического воздействия на людей. Средствами воспитания личности можно многого добиться. Чем члены общества будут более проникнуты в своем поведении высокими идеями служения общему благу, чем тверже будет их характер, умение владеть собой и бороться с природными склонностями, которые часто влекут человека к грубо эгоистическому антиобщественному поведению, тем ближе общество будет подходить к желанному порядку. Но наряду с этим должны идти и общественные реформы. Политическая наука много внимания уделяет вопросу о надлежащей организации общественной власти, которая бы заставила ее носителей на самом деле служить общему благу и не приносить его в жертву личным и классовым интересам.

Маркс и его школа говорят о еще более радикальных средствах борьбы с несправедливостью. Полагая, что главное зло заключается в неравномерном распределении богатств, вызываемом с неизбежностью условиями капиталистического производства, социалисты полагают, что социальная справедливость может быть обеспечена только в таком обществе, где прекратится самая классовая борьба. Такого состояния можно достигнуть путем обобществления средств производства, то есть путем устранения режима частной собственности на машины, земли, фабрики и инструменты и передачи всего этого капитала в руки государства. При таком условии исчезнет самый класс капиталистов-предпринимателей; государство будет состоять только из рабочих, и государству же будут принадлежать орудия труда. Тогда прекратится эксплуатация

человека другим человеком, исчезнут источники имущественного неравенства, исчезнут экономические классы предпринимателей и рабочих, находящиеся в неустранимой борьбе между собой, и станет не нужна принудительная власть государства. В таких условиях осуществление социальной справедливости не встретит для себя серьезных препятствий. Будущее общество будет организовано не на началах принудительной государственной власти, но на началах свободного сотрудничества свободных личностей, которые будут удовлетворять свои потребности в полной мере, но в то же время не будут друг друга эксплуатировать и вообще друг другу вредить.

Как бы ни смотреть на конкретные способы достижения социальной справедливости, становиться ли на социалистическую или какую-нибудь иную почву социального реформаторства, всегда следует помнить об одном необходимом условии успеха всякого общественного преобразования. Это условие состоит в том, что только тот общественный порядок прочен, который имеет под собой достаточно прочные общественные традиции. Для отдельной личности, которая недовольна своим характером, недостаточно принять решение переменить свой нрав и выработать для себя определенные правила жизни. Необходимо принять меры к тому, чтобы эти новые правила жизни осуществлялись на самом деле. А для этого следует выработать соответствующие привычки. Если человек этого не сделает, то правила останутся на бумаге, действительное его поведение будет постоянно с ними расходиться. Чтобы стать культурным человеком, прежде всего необходимо воспитание воли, которое даст возможность приводить свои поступки в соответствие с создаваемыми интеллектом планами.

Совершенно аналогично стоит вопрос и об общественной культуре. Если нам не нравятся общественные порядки и приемы действия известной массы людей, например целого народа, то мы должны принять меры к воспитанию надлежащих общественных традиций. Мы должны помнить, что создаваемые нами тексты законов и конституций, собственно говоря, еще не являются реформами общественных отношений. На эти тексты следует смотреть только как на предварительные планы этих реформ, на выражение того, что законодатель хотел бы видеть в обществе и получить от него. Для того чтобы эти планы перешли в жизнь, следует, чтобы общество действительно поступало так, как это предписано в законе. А такой результат наступает только тогда, когда члены общества привыкли сообразовать свои действия с предписаниями зако-

на, когда требуемое законом поведение стало для них привычным, традиционным, сделалось второй натурой для этих людей, приобрело совершенно естественный характер, так что всякое иное поведение представляется ненормальным и недопустимым. Если таких традиций, соответствующих духу закона, не будет создано, то закон не получит действительной силы. Буква закона будет существовать на бумаге, а жизнь пойдет своим чередом. И следует сознаться, что очень много человеческих законов постигает именно эта участь. Масса прекрасных законодательных замыслов осталась в виде мертвой буквы законов. В жизни же наилучше задуманные законы или оставались без практического применения, или же, что еще хуже, в силу известной нам гетерогонии целей, давали результаты прямо противоположные тем, которые от них ожидалось. Если общество не сочувствует закону или не умеет согласовать свое поведение с его предписаниями, то оно найдет массу лазеек, чтобы обойти закон или чтобы придать ему такой смысл, при котором он перестанет быть стеснительным для членов общества, но в то же время извратится в своем действии сравнительно с замыслами законодателя. И органы власти, которые обязаны следить за применением закона, суды и администрация, часто помогают публике в таких обходах закона или в таком устранении закона путем искусного его истолкования. Непопулярный закон, с которым публика не хочет согласовать свое поведение, обыкновенно в конце концов перестает отстаиваться теми органами, которые должны следить за его исполнением. Наталкиваясь на постоянное и систематическое стремление подлежащих лиц уклониться от повиновения закону, имея дело иногда с резко выраженными протестами, иногда с ломкими обходами, эти органы обычно кончают тем, что уступают публике и закон оказывается устраненным из практики самой жизнью, хотя бы он продолжал существовать на бумаге. Такими законами переполнены все кодексы.

Чтобы воздействовать на общественные навыки и воспитывать в обществе желательные здоровые традиции, которые приводили бы поведение общества в гармонию с задачами реформаторов, необходимо опираться на данные социальной психологии. Если человек хочет перевоспитать свой характер или характер другого человека, то он должен опираться на те законы природы, которые изучаются индивидуальной психологией. Только зная закономерность духовных процессов, можем мы находить надлежащие пути, чтобы направлять течение духовных процессов в желательную сто-

рону, отучать людей от нежелательных привычек и упражнять в них желательные навыки. Педагогика должна базироваться на психологии. Точно так же, если мы хотим создавать в народных массах надлежащие навыки и подавлять дурные, вредные общественные традиции, то мы должны основываться на естественной закономерности массовых процессов, которая составляет предмет изучения социологической науки. Вне такого изучения не может быть правильно поставленного воспитания народных масс. Рациональная политика есть прикладная социальная психология, точно так же как рациональная педагогика есть прикладная индивидуальная психология. Современная политика не находится еще на уровне настоящей науки, и это объясняется тем, что и сама социология, то есть та чистая наука, которая должна быть основой этого прикладного знания, находится еще в зачаточном состоянии, только недавно начала превращаться в строгую науку. Между тем только на научном базисе можно создать вполне рациональное политическое искусство. В этом заключается правильная сторона мечтаний Сен-Симона и Огюста Конта, которые представляли себе идеальное общество под управлением ученых. В такой форме с этими мечтами едва ли можно согласиться, потому что ученые теоретики по всем свойствам своей психики редко годятся на роли практических политиков. Но здравая идея заключается в том, что только на основах чистой социологической науки возможна рационально построенная политика как прикладная наука или как практическое искусство.

Мы никогда не одобрили бы поведение того человека, который взялся бы строить какую-нибудь машину, не будучи знаком со свойствами материалов, из которых он ее сооружает, и с теми физико-химическими законами, на действии которых будет основана работа будущей машины. О такой затее мы сказали бы, что она заранее обречена на неуспех. Аппарат, построенный невежественным человеком, не только не выполнит своего назначения, но пользование им может быть сопряжено и с большой опасностью: машина, построенная из плохих материалов или по неверным расчетам, может взорваться, и этим взрывом может быть убит сам ее строитель. С такой же осторожностью следует приступать и к делу социального реформаторства. Тот, кто хочет получить в этом деле желательные результаты, должен быть хорошо знаком со свойствами того человеческого материала, который имеется в данном обществе, и с естественной закономерностью тех социальных процессов, которые придется ему пустить в ход, чтобы вызвать желаемый обще-

ственный результат. Только правильный расчет обеспечит наступление этого результата. В общественной жизни чудеса так же невозможны, как и в физико-химическом мире. Как там недостаточно простого повеления или заклинания, чтобы наступило то, чего мы хотим, так и здесь требуется прежде всего знание и умение, чтобы наши реформаторские замыслы успешно осуществлялись.

Глава XII. Метод социологии

Как бы ни было элементарно изложение какой-нибудь науки, в нем будет существенный пробел, если оно не дает никакого понятия о методе этой науки, то есть о тех приемах исследования, при посредстве которых получают научные выводы. Вопрос о методе приобретает особое значение в таких молодых науках, как социология, которые еще не в достаточной степени оформили свои приемы и не располагают большим количеством вполне проверенных и твердо установленных выводов. Социология как строгая наука существует очень недавно. Правда, человеческая мысль с весьма древних времен работает над социологическими проблемами, над вопросами о том, что из себя представляет человеческое общество и как протекает его жизнь, но нельзя сказать, чтобы эти исследования велись в той строгой форме, при наличии которой мы можем говорить о существовании настоящей чистой науки. Во-первых, долго исследователи рассуждали не об обществе вообще, но только об одном его виде, о государстве. Государство, конечно, является одним из самых интересных видов человеческого общества, и изучение его жизни имеет огромную практическую важность, но в то же время оно представляет из себя слишком сложное общественное явление, отличающееся массой специфических особенностей. Изучение государства не может нас ввести в самые основы общественных процессов; для этого следует брать более простые общественные явления. Во-вторых, изучая самое государство, видели в нем по преимуществу создание человеческого искусства. К государству подходили как к произведению человеческого разума, смотрели на него как на особого рода машину, сооруженную людьми, выводили его появление и его устройство из тех договоров, которые будто бы заключаются между людьми, чтобы извлечь их из изолированного состояния. При таком подходе к делу чрезмерно преувеличивали значение сознательных человеческих планов в общественных процессах и упускали из виду те не зависящие от воли людей процессы, которые, как мы убедились, играют столь

важную роль в жизни общества. В-третьих, в исследованиях, посвященных государству, постоянно переплетались рассуждения о желательном, идеальном состоянии государства с исследованием тех процессов, по которым протекает его жизнь на самом деле. Нормативная точка зрения переплеталась с каузальной, чистая наука смешивалась с прикладной, учение о природе и бытии государства – с политическими построениями. Такое смешение точек зрения всегда вредно отражается на научных исследованиях. Когда мы читаем старых писателей о государстве, то иногда в их изложении даже трудно отличить, когда они говорят о фактической действительности и когда переходят к изображению идеальной и желательной стороны дела. Наконец, долго ученые не могли укрепиться в мысли, что в общественных процессах все так же закономерно, как и во всех других процессах природы, что здесь не может быть ничего такого, что не было бы вызвано влиянием совершенно необходимых причин, которые всегда действуют в одном и том же направлении. Преувеличивалась роль, которую в социальных процессах играет так называемая свободная воля людей и случай. Потребовалось много усилий мысли, чтобы ученые убедились в том, что социальная действительность столь же закономерна, как и всякая другая сторона природы, а затем необходимо было выяснить и особый характер закономерности общественных процессов. Выдвинулась важная проблема, вполне ли одинакова та причинность, с действием которой мы встречаемся в мире физико-химических явлений, и та, действию которой подлежат явления духовной и социальной жизни. Эти вопросы и в наше время не получили еще окончательного решения, получаемые выводы не нашли себе еще общего признания.

Только постепенно изучение общественных процессов отрешалось от всех этих недостатков. Расширялся материал, привлекаемый к изучению; от государства стали переходить к изучению других видов общественных союзов; начали интересоваться и кратковременными общественными течениями, процессами толпы и публики. Отрешались от нормативной точки зрения и начинали разграничивать идеальные политические построения от каузального научного исследования фактов действительности. Приучились смотреть на общество и на общественные отношения не как на искусственное создание человеческого разума и свободной воли людей, но как на закономерные явления природы. Все глубже и глубже проникали в познание тех различий, которые существуют меж-

ду явлениями физико-химического духа и духовно-социальными процессами. Так появилась особая наука об обществе и закономерности общественных процессов. Наиболее видную роль в создании этой науки сыграли Аристотель (384–322 до Р. Х.), араб Ибн-Халдун (1332–1406), итальянец Вико (1668–1744), французы Монтескье (1689–1755), Тюрго (1727–1781), Сен-Симон (1760–1825) и Огюст Конт (1798–1858). Имя «социологии» эта наука получила от Огюста Конта в конце 30-х гг. XIX ст.; самое название филологически не особенно удачно, так как первая часть сложного слова «социология» взята с латинского языка, а вторая – с греческого. Но это название укрепилось на практике, и я не вижу серьезных оснований для замены привычного уже термина каким-либо иным. Но и в наше время социологическая наука еще не стала на прочные основания. Признаком этого служит уже то обстоятельство, что современные социологи до сих пор разногласят о самых основных взглядах на природу общества и потому распадаются на целый ряд принципиально несогласных друг с другом направлений. Механистическая школа в социологии (Спенсер, Де Греф) пытается построить учение об обществе на принципах механики; представители этого направления убеждены, что нет существенного различия между той причинностью, которая действует в мире физико-химическом и в мире общественных отношений. Географическая социология (Ратцель, Демолен) пытается представить общественный процесс как результат влияния той внешней среды, в которой протекает жизнь общества. Целый ряд социологов стремится поставить науку об обществе на антропологические основания и главной базой социологии считает учение о человеческих расах и о происходящей между ними борьбе (Гобино, Гумплович). Биологическая социология (Лилиенфельд, Шеффле) исходит в своих построениях из аналогии между обществом и сложным многоклеточным живым организмом. Психологическая социология (Тард, Уорд, Болдвин) пытается вывести социальные законы из суммирования данных индивидуальной психологии. Ее представители сбиваются на представление об обществе как о простой сумме отдельных людей, недостаточное внимание обращают на особые свойства, присущие духовной жизни целых масс людей. Экономическая социология (Маркс, Энгельс, Ле Плэ) полагает в основу общественной жизни процессы деятельности, направленные на удовлетворение материальных потребностей, а все остальные общественные процессы считает находящимися в односторонней зависимости

от экономических явлений. Этическая социология (Лавров, Михайловский, Кидд) продолжает вносить в общественные исследования нормативные, оценочные элементы. Но целый ряд видных социологов нашего времени (Дюркгейм, Зиммель, Вормс) стоит на почве защиты полной самостоятельности социологической науки и ищет для нее особых методов, в которых социология была бы вполне независима от других отраслей научного знания. Рядом с этими направлениями встречается в науке до сих пор и полное отрицание социологии как самостоятельной научной дисциплины.

Как показало нам все предыдущее изложение, социология принадлежит к числу обобщающих наук. Задача ее не состоит, подобно задаче, например, истории, в изучении конкретных событий действительности во всей их сложности и со всеми особенностями. Социология должна вскрыть для нас ту общую закономерность, которая проявляется в общественной жизни, формулировать те законы природы, которым подлежит ход общественных процессов. Законом природы в этом случае, как и во всех других, мы называем такую научную формулу, в которой выражается правильная и необходимая связь логически расчлененных нашею мыслью фактов. Закон природы всегда отличается всеобщностью и неизменностью. В действии закона не может быть никаких исключений; законы природы всегда остаются одними и теми же и не меняются с течением времени. От законов следует отличать так называемые типы. Типом мы называем менее широкое обобщение, чем закон. Тип получается при сопоставлении сходных друг с другом явлений путем отвлечения из них общих всем им черт и комбинирования этих черт в одно логическое целое. Так, изучая процессы феодализации государственной власти, происходившие в разных странах в разное время, мы можем построить общий тип феодального государства. Тип отличается тем, что он целиком представляет собой создание нашей мысли. В действительной жизни мы чистых типов не найдем. Явления, которые будут нам в ней встречаться, будут либо сложнее созданных нами типов, так как помимо типических черт будут включать в себя и свои индивидуальные признаки, либо, в некоторых отношениях, проще типов, так как могут не содержать в себе таких черт, которое мы сочли необходимым включить в построимый нами тип. Тем не менее построение типов полезно в научном отношении, потому что оно помогает нам разобраться в чрезмерно сложной окружающей действительности. Например, если бы мы захотели познакомиться с современными государства-

ми в разных их видах, то несистематическое изучение современной политической действительности во всей ее сложности представляло бы из себя очень громоздкий и не особенно подходящий для наших целей путь. Гораздо более верными шагами идем мы к намеченной цели, если построим несколько основных типов государственного устройства и затем, расположив отдельные конкретные государства по этим типам, отметим в то же время и те конкретные особенности, которыми они отличаются. Так поступает всякая классифицирующая или систематизирующая наука. Типами занимаются описательная минералогия, зоология, ботаника. Изучение человеческих типов составляет предмет науки о характерах. В области социологии следует отличать основную социологию как учение о законах общественной жизни от социальной типологии как учения о типических общественных образованиях и процессах. Предметом социальной типологии является построение предположительной картины первобытного человеческого общества, которое лежит в основе всего дальнейшего общественного развития, типической картины развития семейных и хозяйственных организаций, образования политической и государственной власти, эволюции государственных форм и отдельных сторон общественной культуры. Подобного рода исследования занимают много места в современной социологической литературе.

Метод, которым работает социология, по существу, одинаков методом всякой обобщающей науки. Мы получаем общие выводы либо дедуктивным, либо индуктивным путем. Дедукцией мы занимаемся, когда отправляемся от общих положений и путем логического их анализа получаем дальнейшие выводы. Индукцией мы занимаемся, когда восходим от частного к общему, когда на основании анализа отдельных случаев мы делаем заключение о тех процессах, которые должны происходить всегда и везде, в виде общих правил, не допускающих исключений. Подобные индуктивные обобщения мы позволяем себе делать на том основании, что убеждены в общей закономерности явлений природы. Поэтому, если мы заметили определенную связь самостоятельных фактов в одном случае, мы имеем основания ожидать повторения этой связи и во всех подобных случаях. Как с пользованием дедукцией, так и с применением индукции связаны специфические опасности. Дедуктивное построение может нам дать выводы, логически правильные, но не отвечающие действительности. Это бывает в том случае, если положение, сделанное основанием дедуктивного рассуждения, бы-

ло не совсем правильным. Неправильность обыкновенно состоит в том, что создаваемые нами общие положения чрезмерно упрощают и схематизируют сложную действительность, которая целиком в них не укладывается; поэтому логические выводы, делаемые из анализа таких положений, не вполне оправдываются фактами, нуждаются в ограничениях и дополнениях. Что же касается индукции, то ее опасность состоит в том, что при помощи этого метода мы постоянно рискуем сделать слишком поспешные обобщения, возвести на степень закона ту связь явлений, которая наблюдается только в единичных случаях или же, самое большее, имеет типический характер. Тип же тем отличается от закона, что в то время как закон действует неизменно и не допускает никаких исключений, тип по самому своему понятию предполагает исключения и отступления. Типы получаются благодаря тому, что в жизни встречаются повторения однородных причинных узлов; однородные комбинации причинных рядов порождают сходные результаты, которыми мы и пользуемся для выведения типов. Но в действительности события никогда под схему построенного нами типа не подходят: в причинный узел могут замешаться такие лишние обстоятельства, которые не были включены нами в построенный тип, и тогда действительность окажется сложнее типической картины, или же, наоборот, из действительного явления могут выпасть некоторые черты, включенные нами в типическую картину, и тогда действительность окажется проще типа.

Иногда мы в научном исследовании отправляемся от такого общего положения, которое заведомо является недоказанным и только принимается нами на веру. Мы хотим при этом сделать из этого положения все возможные логические выводы и затем проверить, подтверждаются ли они фактами. Такое положение называется рабочей гипотезой. Если оно подтвердится изучением фактов, то обращается в научно доказанную теорию; если же факты его не подтвердят, то гипотеза должна быть отброшена и заменена новой.

Обыкновенно в науке приходится действовать сочетанием дедуктивного и индуктивного методов исследования. Путем индукции мы добываем общие положения, выведенные из рассмотрения отдельных фактов. Затем мы берем эти индуктивные обобщения в качестве оснований дедуктивного рассуждения, делаем из них возможные логические выводы и смотрим, оправдаются ли они на изучении отдельных фактов действительности. Таким образом, восхождение от частного к общему постоянно сменяется обратным

путем от общего к частному. Индукция проверяется дедукцией, дедуктивно полученные выводы получают проверку на изучении отдельных фактов действительности.

Во всяком случае наука лишь тогда стоит на прочных основаниях, когда она располагает достаточным запасом фактического материала, собранного, проверенного и систематизированного. Если строить научные выводы без такого фактического фундамента, то мы рискуем простые логические возможности принимать за выражение научных законов. Слабость современной социологии состоит главным образом в том, что она еще не располагает для своих обобщений таким фактическим фундаментом в достаточной степени. Социологические факты должны получаться из разных источников. Во-первых, их должна давать социологу историческая наука. Историки изучают те источники, из которых мы можем почерпнуть сведения о минувших событиях в общественной жизни людей, подвергают строгой критике показания этих источников и полученные результаты передают в форме проверенного рассказа об исторических событиях. Социолог берет из рук историка этот проверенный материал фактов и путем применения историко-сравнительного метода должен пытаться извлечь из него возможные социологические обобщения. Далее, ценный материал для социолога представляют этнографические данные, то есть результаты наблюдений над бытом различных современных народов, особенно тех из них, которые стоят на низкой ступени развития. Жизнь таких народов может нас до известной степени ввести в жизнь тех первобытных людей, от которых отправилось все общественное развитие. Но, конечно, и здесь следует остерегаться поспешных обобщений; следует понять, что современные дикари, как бы они ни были грубы, имеют уже за собой вековое существование, что многие из них прежде стояли на более высокой ступени развития и потом сошли с нее в силу каких-нибудь исторических причин, что они принадлежат, быть может, просто к менее даровитым по природе разновидностям человеческого рода и потому уже не могут быть приравнены к первобытным людям, положившим начало всей общественной культуре. Наконец, социолог должен производить и непосредственные наблюдения над фактами социальной действительности. Эти наблюдения могут совершаться или в форме простого присутствия при общественных процессах; так можно наблюдать, например, психологию толпы или собраний; или же они собираются путем опроса лиц, переживавших известные собы-

тия или близко к ним стоявших. Такое назначение имеют разного рода анкеты, опросные листы, которые должны быть составляемы с должным искусством, чтобы дать в распоряжение социолога достаточно определенный и надежный по своему характеру материал. Чтобы собирать факты такого рода в достаточном количестве, необходимо создать такие учреждения и институты, где бы вся эта работа собирания и предварительной систематизации фактического материала совершалась коллективными усилиями целых групп подготовленных сотрудников, работающих по определенному плану. Такие социологические лаборатории в наше время еще только зарождаются, но от их успеха зависит в значительной степени вся будущность социологической науки.

Часто обобщающие науки пользуются экспериментом, то есть ученые искусственно создают для себя такие случаи, над которыми они затем наблюдают для получения научных обобщений. Например, чтобы проследить значение атмосферного воздуха для жизни, исследователь помещает живое существо под колпак воздушного насоса. Эксперимент является очень ценным приемом научного исследования, так как дает возможность повторять в любом количестве изучаемые факты, произвольно упрощать или усложнять их обстановку. К сожалению, в социологии эксперимент мало применим. Мы не можем производить эксперименты над целыми народами как потому, что такие эксперименты были бы слишком жестокими и опасными для массы людей, так и потому, что общественные процессы слишком сложны для того, чтобы можно было правильно ставить эксперименты в таком большом масштабе. Но в более скромной форме социологический эксперимент возможен. Мы можем, например, производить опыты над собраниями людей, изучая воздействие на толпу того или иного ораторского приема и т. п. Опыты в этом направлении также еще только начинаются, и разработанной теории социологического эксперимента еще не существует.